

ЕлеНа Колина

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕМЕЙНУЮ САГУ ЕЛЕНА КОЛИНОЙ!

**Предпоследняя правда
Через не хочу
Про что кино**

**«...Если мне попадается семейная сага,
я ее тут же хватаю и начинаю читать.
Причем не “Сагу о Форсайтах”,
а что-нибудь про современную жизнь.
Например, Елену Колину очень люблю».**

Александра Маринина

ЕлеНа Колина

**через
неХочу**

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Нежности и метафизика. Проза Елены Колиной»

Дизайн переплета — *Ксения Щербакова*

Колина, Елена.

К60 Через не хочу : [роман] / Елена Колина. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Нежности и метафизика. Проза Елены Колиной).

ISBN 978-5-17-088945-7

Всё перемешано — и смех, и слёзы, и любовь. Дети взрослеют и начинают жить своей жизнью, а их родители... тоже начинают жить своей жизнью. Сколько тайн им предстоит узнать: о себе и друг о друге?

Елена Колина, лучший писатель среди психологов и лучший психолог среди писателей. Её романы «Предпоследняя правда», «Через не хочу» и «Про что кино?» образуют захватывающий триптих о том, что происходит с людьми, с семьями, со страной — когда они перерастают самих себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Е. Колина, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088945-7

Эта история произошла в стране, где «прелюбодеяние и посещение кинотеатров суть единственные формы частного предпринимательства»*. Персонажи прописаны в реальном, известном своей красотой и высокой стоимостью квартир Толстовском доме, но их личная жизнь придумана. Некоторые персонажи занимают конкретные должности, но лишь потому, что директором киностудии в городе на Неве может быть только *директор Ленфильма*, а секретарь райкома не может быть секретарем *вообще райкома*. Реальные люди, мелькающие среди персонажей, упомянуты исключительно в контексте личного опыта автора, — автор и сам удивился, когда писал эту книгу: оказывается, все со всеми вместе учились или вместе учили детей, виделись на детских днях рождения, подписывали друг у друга документы. Иногда встречаются мелкие хронологические неточности, необходимые для романного действия... Кажется, все. В общем, все совпадения случайны, все персонажи вымышленные.

* И. Бродский.

Я полагал, что задача литературы — запечатлеть уходящее время.

Но мое собственное время текло между пальцев.

И. Башевис Зингер

«Золотая молодежь» — нарицательное название молодых людей, чью жизнь и будущее в основном устроили их влиятельные или высокопоставленные родители, из-за чего она стала легкой и беззаботной, а сами они стали ее прожигателями.

Википедия

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>
21 декабря 2012, 16:47

Мышь бессмысленная!

Вчера я вернулся из Москвы, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинами и женщинами средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решил никогда не ездить в Москву.

Елена Колина

От кого: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

Кому: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

21 декабря 2012, 20:55

Левка! Ты был в Москве-е?! И мне не сказа-ал?!
Почему??? Секретики — от МЕНЯ?

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

21 декабря 2012, 17:01

...Я не был в Москве, ты, филолог хренов! Это Толстой, Лев Николаевич. А я не уезжал из Лондона.

Вот еще Л. Н.: «С седой бородой, 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к судам новым, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое, невыносимо жить в России, с страхом, что каждый мальчик, кот[орому] лицо мое не понравится, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге... Если я не умру от злости и тоски в остроге, куда они, вероятно, посадят меня (я убедился, что они ненавидят меня), я решил переехать в Англию навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено».

Ну, Мышь, какова связь времен? Круто?

Через не хочу

От кого: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

Кому: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

27 декабря 2012, 22:16

Встречалась с Жестким Продюсером, хотела показать синопсис.

Но не тут-то было! ЖЭПэ не читает синопсисы, он читает логлайн, — про что кино. Голливудский стандарт 25 слов. Я сказала 9 слов, предложения не считаются: три подруги, у одной роман с женатым, у другой развод, третья в поиске.

— Все хорошо, покажешь мне первую серию, добавь какую-то интересную мелочь, к примеру, труп.

— Труп?

— Модный тренд — это драма с элементами ситкома, с детективной линией и психологической составляющей, а не тупой женский сериал. Хочешь быть в тренде, добавь труп.

Я хочу быть в тренде. Я на труп возлагаю большие надежды.

От кого: Lev Reznik <reznik@gmail.com>

Кому: Татьяна Кутельман <kutelman@mail.ru>

29 декабря 2012, 18:01

Деньги на Аришу...

АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ

Красивые — это другие люди

Начнем с Фиры.

Почему с Фиры? Нет никаких особенных причин начать с Фиры, кроме той, что ее все любят, ее все *любят больше*.

Фира была счастлива с 01.09.1981 по 01.09.1982. Затем начались Фирины Муки. Муки разделялись на несколько разных мучений. Мучение № 1, первое по времени, было до неловкости «как у всех», Мучение № 3 было изумительно оригинальным, и каждое мучение было *самым* болезненным: одно от неотвратимости и невозможности хоть что-то предпринять, другое, напротив, оттого, что, казалось, можно легко вмешаться, поправить. Пойми, Фира, что это Муки, Наказание, Послушание, она сообщила бы, как быть, — ее экзистенция должна выйти в трансцендентное. Иначе говоря, уткнувшись в ошеломляюще обидную надпись «Вход воспрещен. Именно тебе», нужно закрыть голову ру-

ками, сгруппироваться и правильно упасть. Фира не поняла, что это Муки, и упала *неправильно*. Метафизическое мышление было ей не свойственно, она не согласилась бы даже с тем, что абсолютно свободна в своих действиях и страдает только потому, что хочет этого. «Как это я хочу страдать?! Я как раз не хочу страдать! Я просто хочу, чтобы все было как я хочу!» — сказала бы Фира, не заметив, что повторила «хочу» четыре раза подряд. Она принадлежала к тому типу людей, которым кажется, что легче смириться с собственным страданием, чем принять несовершенство окружающего мира, на самом же деле это чистое лукавство, они не собираются смиряться ни с чем: и мир должен быть таким, каким Фира желала его видеть, и страдать она не хотела. Поначалу ощущала некоторую обескураженность, вела себя как человек, с которым на глазах у людей приключилась какая-то неожиданная дрянь, как было, когда примчалась в школу без юбки, скинула пальто в учительской, — сверху блузка, снизу комбинация, кружево по подолу болтается, — и успела засмеяться первой, хитрила, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре. Когда на смену Мучению № 2 пришло Мучение № 3, она так себя и чувствовала, будто без юбки, стеснительно и жалко, но было уже не до того, чтобы пытаться сохранить остатки самоуважения. Фирино состояние лишь в лучшем случае мож-

Елена Колина

но было бы охарактеризовать как обескураженность, в худшем она была грандиозно несчастна. И если бы кто-то взялся написать «Портрет Фириной души» того времени, это были бы на весь холст одни глаза, вытаращенные глаза, смотрящие на мир с изумлением — неужели может быть так больно?..

31 августа

31 августа Резники и Кутельманы отмечали начало учебного года, одни, без чужих, — девочки, Фира и Фаина с мужьями и как бы общими детьми. Не то чтобы Резники и Кутельманы позабыли, кто чей ребенок, но Фира и Фаина, выросшие в соседних комнатах коммуналки в Толстовском доме, были друг у друга всегда, и их дети, Лева и Таня, были друг у друга всегда. Первоклассником Лева Резник, разворачивая перед учительницей свою семейную экспозицию, сказал «у меня есть Таня, она мне как брат», и учительница умилилась, Таня, повторившая за ним эту трогательную фразу «у меня есть Лева, он мне как сестра», желаемого эффекта не достигла, никто не умилился. Лева был хорошенький, как фарфоровый пастушок, а Таня — долговязая некрасивая девочка в свисающих колготках.

Дружба Фиры с Фаиной не измерялась годами, но семейная дружба Резников и Кутельманов года-

ми вполне измерялась, — столько же, сколько девочек были замужем, около двадцати лет, и за все годы Фира ни разу не разрешила Кутельманам пригласить кого-то из их личных друзей на «семейный праздник». Семейными праздниками ею были объявлены все дни рождения и Новый год, а с тех пор как дети пошли в школу, она, оберегая свое право на единоличное владение Кутельманами, добавила к интимно-семейным мероприятиям и первое сентября. Здесь Фира была отчасти права, она как школьный учитель и Кутельман как заведующий кафедрой меряли жизнь учебными, а не календарными годами, и для них и для детей первое сентября было «как Новый год».

Кое-какие вольности Фира, конечно, скрепя сердце Кутельманам позволила: защита Кутельманом докторской диссертации, назначение его заведующим кафедрой, издание учебника праздновались не в узком семейном кругу, а «с чужими». Илья Резник, льстиво заглядывая в глаза жене, захлебываясь подхалимским восторгом, припевал: «Господин Людоед, вы самый добрый, самый справедливый тиран». В Илье пропал актер. В Илье пропал актер, в Фире пропал генерал, в Кутельманах же ничего не пропало: Эммануил Давидович — ученый с международным именем, Фаина — кандидат наук. Илья называл Кутельманов «семья заведующих»: Эммануил Давидович — заведующий ка-

федрой на матмехе университета, Фаина — заведующая лабораторией.

А в Фириной жизни больше не было слова «диссертация», не было «Илюшка, где диссертация, Илюшка, когда ты начнешь, Илюшка, ты должен к чему-то стремиться, Илюшка, Илюшка...» Фира окончательно смирилась с тем, что хоть Эмка как научный руководитель сделал все, что мог, Илья никогда не станет кандидатом наук. Кутельманы считают Илью немного подкаблучником, но он только на первый взгляд подкаблучник, действительно, не было случая, чтобы он не выполнил Фириных решений, но *мелких* решений, а главного ее решения — правильно жить — он не выполнил. Лень, неспособность идти к цели, лежание у телевизора вместо диссертации — по сути, это было предательство, подножка, которую Илья подставил ей на правильном жизненном пути. Она жертвовала, трудилась, надеялась, ждала, а он?! Последние годы Илья на ее приставания с диссертацией говорил: «Да напишу я твою диссертацию, только прекрати меня дрессировать!» — и в этом «дрессировать» была доля правды, Фира была уверена, что если заниматься со своим питомцем, сочетая ласку и таску, — а что есть педагогика, как не это, — то настанет момент, когда Илья выполнит требуемый трюк. У Фиры половина брака ушла на то, чтобы понять, что ее муж, при внешней мужественности, человек зыбкий, по-женски уклончи-

вый, что с ним как будто в трамвае спрашиваешь «ты выходишь», он отвечает «да» и продвигается на переднюю площадку, а через три остановки обнаруживаешь его сидящим и невозмутимо читающим газету и кричишь «ка-ак, ты же сказал...» — привыкла. Впрочем, почему Илья был *по-женски* уклончивый, вот Фира — совсем не уклончивая, напротив.

Праздновали одни, без чужих, — и всегда у Резников, в коммуналке, в комнате, разделенной перегородками на три пенала — прихожую, спальню и гостиную. Почему не в шестикомнатной квартире Кутельманов, ведь Фире нужно было только пересечь двор Толстовского дома, войти в подъезд напротив? Нет. Фира ревностно следила, чтобы все главные события происходили у нее. Но в этот раз она решила иначе, для всего, что она придумала, больше подойдет шестикомнатная квартира Кутельманов.

Всех закружила предосенняя рабочая суeta, у Кутельмана защищались аспиранты, в лаборатории Фаины запускали новую установку, она недоумевала — дети взрослые, зачем праздновать, Илья хлопотал по поводу очередного юбилея в своем НИИ, подбирал музыку, сочинял поздравительную речь, а вечером делал «свое фирменное уставшее лицо». У Фиры в школе тоже кое-что было: ремонт туалетов на втором этаже, составление расписания, для завуча начало учебного года — горячее время, но это было не